

Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней?

English version: [Belinskaya E.P. The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it?](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Проблема изменчивости / устойчивости идентичности анализируется в контексте современных социально-психологических подходов к исследованиям идентичности. Отмечается, что динамика идентичности понимается как следствие быстрых социальных изменений эпохи постмодерна и выражается в нарастающей множественности и потенциальности различных Я-структур. Подчеркивается специфика отечественного «кризиса идентичности» как связанного с фактическим отсутствием образа личного и социального будущего.

Ключевые слова: персональная идентичность, социальная идентичность, изменчивость идентичности, устойчивость идентичности, нарративная идентичность, множественность Я, возможные Я, социальные изменения, социальный конструкционизм

Проблематика идентичности сегодня является, на наш взгляд, одной из «болевых точек» наук о человеке. Почему? С одной стороны, существует уже достаточное количество теоретических положений, которые фактически перестали требовать развернутых дискуссий, превратившись в некоторые «общие места», причем далеко не всегда в силу их тривиальности, а, скорее, по причине постепенно формирующегося смыслового консенсуса исследователей. Среди таких положений и общее для постнеоклассической парадигмы понимание Я как принципиально неунитарного (постоянно изменчивого, множественного и т.п.), и констатация кризиса идентификационных структур человека в условиях современности (каким бы содержанием ни характеризовался сам кризис), и мысль об определяющем влиянии на Я изменяющихся социальных реалий постмодерна (и дело уже не только в том, что идентичность «связывается» с образом мира, а в том, что она понимается как принимающая в себя системные характеристики этого образа: например, обретая текучесть в «текучей современности»). С другой стороны, значительная часть этих положений либо ставит под сомнение само понятие идентичности, расширяя его практически безгранично, почти отрицая тем самым предмет исследования, либо же эмпирически трудно верифицируема (что порождает риски научных спекуляций).

Добавим к этому, что само понятие идентичности за последние 30–40 лет наполнилось весьма разным содержанием. Это произошло не только в силу его все большей «принадлежности» к разным областям гуманитарного знания, но и – прежде всего – в силу внимания исследователей к различным частным аспектам процесса социальной идентификации (гендерному, профессиональному, этническому, религиозному и т.д.). Заметим здесь же, что подобное расширение рассматриваемой феноменологии сопровождается (во всяком случае – для психологии) все большим включением понятия идентичности в круг других психологических концептов, среди которых лидирующие: мотивация, смыслы, переживания, что далеко не всегда ведет к созданию специфического методического инструментария. В итоге «проблема идентичности» грозит превратиться в поистине «безграничную».

Нельзя сказать, что констатация «кризисности» самой этой проблемной области остается без внимания исследователей. Так, анализируются ограничения, связанные с нарастающей междисциплинарностью самого понятия идентичности [Тхостов, Рассказова, 2012], или же демонстрируются новые возможности междисциплинарного ракурса в ее анализе [Соколова, 2014].

Отмечаются также потенциальные «точки развития» данной проблематики, прежде всего связанные с изучением кризиса идентичности в ситуации радикальных социальных изменений [Андреева, 2011; Белинская, 2013], или же подвергаются методологическому переосмыслению более «широкие» по отношению к идентичности понятия кризиса [Асмолов, 2014] и социализации [Марцинковская, 2014]. Кроме того, все более включается в общий контекст изучения идентичности ценностный компонент анализа [Леонтьев, 2009].

Для психологии одной из центральных «точек внимания» в проблематике идентичности остается проблема изменчивости / устойчивости, чему, как признают многие исследователи, есть две основополагающих причины. Во-первых, вопрос о том, являются ли представления человека о самом себе некоторой консолидирующей и интегрирующей константой личности, ее неизменным «ядром» или же эта реальность принципиально изменчива и множественна, онтологически является для любого человека вопросом его субъектности, свободе воли и возможности выбора. Последнее, заметим, помимо сугубо экзистенциального значения, имеет и вполне «приземленные» следствия в виде тех или иных наших решений: например, о том, каков будет и будет ли вообще результат воздействия на меня каких-либо других социальных субъектов – от СМИ до психотерапевта, смогу ли я противостоять им или же в итоге изменюсь.

Во-вторых, то или иное понимание изменчивости / устойчивости Я, будучи неразрывно связано с социально-историческими образами человека, с возможными культурными вариациями понимания личности, неизбежно становится центральным при смене методологических установок психологии. Более того, сама эта проблема возникает лишь в эпоху постмодерна как некий «ответ» наук о человеке на вызовы нарастающей социальной динамики и неопределенности. Как справедливо замечает Т.Д.Марцинковская, «проблема идентичности всегда актуализировалась в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, когда вставали вопросы о том, какие нормы, ценности, эталоны будут востребованы завтра, как будут трансформироваться нормы и правила поведения» [Марцинковская, 2014]. Тем самым «поиски идентичности» во многом становились попыткой понимания того, «как человек в реальной, жизненной ситуации противостоит неопределенности» [Зинченко, 2007, с. 17].

Итак, как трактовалась и трактуется проблема изменчивости / устойчивости идентичности? Заметим, что далее мы будем придерживаться преимущественно социально-психологического ракурса изложения. Для него, как представляется, данная проблема в основном выступала двояко: во-первых, как множественность Я и, во-вторых, как потенциальность (вероятностность рефлексии) различных Я-структур. Несмотря на их очевидную внутреннюю связь остановимся на них последовательно.

Множественность идентичности(тей)

Прежде всего отметим, что отход от классического понимания идентичности как некоего «ядра» личности, ответственного за переживание человеком своей целостности, самотождественности (и, соответственно, неизменности) во времени и пространстве взаимодействий, был связан с акцентированием проблемы границ Я – не Я. Начиная с У.Джеймса, затем у Ч.Кули и Дж.Г.Мида, завершая Э.Фроммом и Э.Эриксоном, идея Я как априорно интегрирующей «инстанции» личности постепенно размывалась, уступая место представлениям о ее изменчивости и вариативности.

Первоначально данная изменчивость мыслилась как динамика исключительно социальных Я-структур – тех аспектов представлений человека о себе, которые отражали факт его объективной принадлежности к различным социальным группам. Соответственно, устойчивость / изменчивость идентичности понималась как баланс достаточно неизменного и подконтрольного самому человеку «ядра» и изменчивых в силу динамики отношений с Другими социальных «ипостасей» Я. Последние при этом понимались как гораздо менее «управляемые» (вспомним хотя бы знаменитое джеймсовское определение социального Я как следствия признания личности человека со стороны окружающих, а если они не признают, что делать?) и гораздо более «конфликтные» (что отразилось в понимании личности в ролевых теориях – по сути, все они пытались дать ответ на вопрос о том, что происходит в случае рассогласования социальных ожиданий, лежащих в основе разных социальных Я). Собственно их итоговый «динамизм» оказывался следствием не столько множественности возможных социальных самокатегоризаций, сколько внутренней конфликтности и зависимости от социального

пространства. Персональное Я при этом рассматривалось преимущественно как средство интеграции внутренней картины социального мира. Так, с точки зрения символического интеракционизма, по мере того, как количество ролей и позиций, в которых человек может представить себя, возрастает, он все более объединяет порождаемые ими ожидания в оценки со стороны «обобщенного другого», становясь своего рода «обществом в миниатюре».

Иными словами, нахождение баланса изменчивости / устойчивости Я виделось либо в достижении согласованных (неконфликтных) социальных Я, либо в «укреплении» персонального Я. Заметим, что определенные отзвуки этой позиции существуют и ныне [Леонтьев, 2009]. Доказательством тому в современном научном дискурсе является наличие идей о самой возможности нахождения выхода из «лабиринтов идентичности», требований «автономной личности», не зависящей от собственных социальных ролей и самокатегоризаций, опирающейся в поисках самоинтеграции исключительно на внутренний ресурс, и в конечном итоге – противопоставления идентичности и самого человека.

С появлением когнитивистских социально-психологических моделей идентичности, а именно теории социальной идентичности А.Тэшфела и теории самокатегоризации Дж.Тернера, понимание проблемы изменилось: в центре внимания оказались вопросы соотношения и «взаимопереходов» личностной и социальной идентичностей. Во многом, как представляется, это было связано с тем, что для социальной психологии проблема границ Я – не Я никогда и не являлась собственно проблемой: в социально-психологическом плане проблема самосознания всегда выступала не только и не столько как проблема границ, отделяющих «Я» от «Другого», сколько как поиск условий их проницаемости. Интересно иное, а именно: *рефлексия* человеком своего взаимодействия с социальным окружением, его *отношение* к фактам социального влияния и, как следствие, *специфика* его когнитивной активности в построении своего «Я». Соответственно, изменчивость / устойчивость идентичности стала пониматься как неоднозначность результата самокатегоризации, которая и задает множественность Я. Это имело и имеет свое выражение во многих частных положениях как самих теорий А.Тэшфела и Дж.Тернера, так и в работах их последователей.

Для А.Тэшфела понимание персональной и социальной идентичностей как разных форм «идентичности в целом» опиралось на понимание мотивов социальной категоризации. Напомним, что мотивационный источник процессов социальной категоризации, социального сравнения и последующей социальной идентификации виделся им в наличии у человека потребности в достижении позитивных представлений о самом себе, снижении неопределенности и достижения так называемого «оптимума различимости» [Tajfel, Turner, 1986]. Люди стремятся к позитивному восприятию своей группы, ибо характеристики группы являются одновременно и характеристиками самого человека в этой группе (при условии, что социальная идентичность оказывается «выпуклой» в данном контексте). В свою очередь, мотив снижения неопределенности связан с потребностью человека упорядочить образ окружающего его социального мира и своего места в нем, что при дальнейшем формировании социальной идентичности позволяет ему лучше прогнозировать поведение других. Мотив оптимума различимости связан с внутренним конфликтом человека (между «я такой же» и «я уникальный»), и предполагается, что человек стремится к социальной категоризации себя с такой группой, в которой этот конфликт будет сведен к минимуму (станет оптимальным). Очевидно, что «выпуклость» тех или иных оснований социальной категоризации может меняться, параметры непротиворечивого образа социального мира всегда субъективны, а «оптимальность» в разрешении внутреннего конфликта между ощущением своей уникальности и чувством общности с Другими варьируется (как минимум – в зависимости от степени адекватности самооценок и оценок групп). Все это и задает множественность и неоднозначность соотношений персональной и социальной идентичностей, придавая балансу изменчивости/ устойчивости Я структур процессуальность, превращая его в постоянное «балансирование».

В свою очередь Дж.Тернер сделал следующий шаг: с его точки зрения, в понимании идентичности необходимо было «снять» саму оппозицию «персональная – социальная». В силу единства, лежащего в основе формирования процесса самокатегоризации, они представляют собой лишь разные его формы, образуя некоторый континуум, постоянно «взаимопереходя» друг в друга – так социальные нормы регулируют активность персонального Я, а система персональных ценностей определяет выбор социальных идентичностей [Turner, 1994]. Таким образом в проблеме изменчивости / устойчивости идентичности, взятой с точки зрения множественности различных Я, появляется новая нота – нота контекстуальности: важны не сами основания самокатегоризации, а «точки отсчета»,

контекст (межличностный или же межгрупповой) этого процесса.

Представляется, что дальнейшее развитие этих идей шло в двух направлениях: во-первых, через более детализированное понимание когнитивных процессов, лежащих в основе формирования и развития идентичности, а во-вторых, через усиление внимания к ситуационным и контекстуальным ее проявлениям.

Приведем лишь две иллюстрации первого направления.

В концепции Г.Брейкуэлл с характерным названием «процессуальная теория идентичности» акцентируется связь когнитивных процессов с эмоциональной и ценностной сферами субъекта. В результате итоговая конфигурация персональных и социальных идентичностей человека ставится в зависимость не только от постоянно идущих «взаимопереходов», но и от процесса их непрекращающейся переоценки субъектом. Согласно Г.Брейкуэлл, ценность каждого элемента идентификационной системы постоянно пересматривается, исходя из анализа изменений в социальной системе ценностей и позиции субъекта по отношению к этой системе. Изменения же в социальных ценностях, имеющих непосредственное значение для переоценки человеком своих идентичностей в эпоху постмодерна, состоят, согласно автору, в постулировании непрерывности, самобытности, самоэффективности и самоуважения [Breakwell, 2010]. Именно они выступают некоторыми социальными «рамками соотнесения», заставляющими нас постоянно менять индивидуальную и групповую «точки отсчета» при конструировании идентичности в целях ее соответствия определенному состоянию, а именно – переживанию преемственности своих Я, их неповторимости, субъектности и позитивности [Vignoles et al., 2008].

Второй иллюстрацией развития идей Тэшфела – Тернера – через более детальное внимание к когнитивным процессам, лежащим в основе построения идентичности(тей) – может служить модель идентичности М.Берзонски [Berzonsky, 2008]. Он связывает множественность процесса идентификации с общим когнитивным стилем субъекта, в частности, – с его отношением к информационному потоку в целом. Справедливо полагая, что в современном мире объективно множится количество возможных оснований для самокатегоризации, он утверждает, что результаты идентификации в этой множественности будут зависеть не только и не столько от отношения человека к тем или иным социальным группам / ценностям / точкам сравнения и т.п., а от его умения и готовности ориентироваться в увеличивающемся потоке информации. Соответственно, он выделяет три основных стиля идентичности: информационный, нормативный и диффузный, в зависимости от того, как человек поступает (т.е. действует при необходимости принять решение) с релевантной его идентичности информацией. Итоговые стили идентичности М.Берзонски описывает следующим образом

Информационный стиль идентичности характерен для людей, которые стремятся получить максимум информации в случае ситуации выбора, прежде чем принять решение о важности для себя любой цели, значимости той или иной позиции и ценности, того или иного направления своего развития. В случае, если человек имеет нормативный стиль идентичности, он не склонен искать информацию сам, но предпочитает руководствоваться семейными традициями, социальными и/или групповыми нормами, то есть следует уже готовым и социально желательным образцам и решениям. Имея диффузный стиль идентичности, человек живет без сформированной позиции (идентичности) и принимает решения, формулирует ответы прямо по ходу развития конкретной ситуации социального взаимодействия или же отсрочивает принятие решений на неопределенное время. Интересно, что кроме этих трех стилей идентичности, М.Берзонски отдельно выделяет такой параметр каждого стиля как приверженность, отражающий степень, в которой человек склонен придерживаться своих взглядов или же, напротив, непрестанно менять их (сходство этого параметра с общей когнитивной гибкостью / ригидностью очевидно).

Примеров развития второй линии, связанной с акцентом на контекстуальности проявлений идентичности как залога ее множественности и, соответственно, изменчивости, гораздо больше. Во многом это связано с тем, что данная точка зрения на идентичность оказалась ведущей в рамках социального конструкционизма. Характерное для последнего понимание идентичности как не только незавершенного, но и принципиально незавершаемого «автопроекта» (в соответствии с требованиями самой эпохи постмодерна, когда основной задачей человека мыслится необходимость избежать любой фиксированности и определенности, сохранив тем самым свободу выбора) заставляет говорить уже не о «поисках идентичности» и ее динамике, а о постоянно идущей идентификации человека: «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее

деятельностью, в которую все мы по необходимости или осознанно вовлечены» [Бауман, 2002, с. 192].

Согласно этой позиции, фактическое отсутствие в современном обществе абсолютных, претендующих на универсальность целостностей, относительно которых человек мог бы обрести внутреннюю устойчивость, определенность, и, как следствие, большая личная свобода человека от ролевых «привязанностей» оборачиваются отсутствием самотождественности. В зависимости от уровня личного оптимизма исследователи склоняются к различным вариантам видения дальнейших следствий. А именно – от признания тотальности антропологического кризиса современности в силу принципиальной потери человеком своего подлинного «Я» [Baumeister, 1995] до постулирования существования «лоскутной», «множественной» и т.п. идентичности [Castells, 1998], существующей лишь в коммуникации, встроенной в сложную и мобильную ткань отношений, обретаемой лишь через поведенческие самопрезентации и являющейся культурной инсценировкой. По сути, сегодня в оценке человека эпохи постмодерна, строящего свой «открытый проект идентичности», для исследователей варьирует лишь элемент креативности человека. А именно – то ли он строит этот проект, так сказать, вынужденно, «по образу и подобию» противоречивой и сегментированной повседневности, то ли данные особенности повседневности заставляют его искать и/или создавать новые смыслы и новые социальные сети, становящиеся основой для самотождественности.

В этом отношении крайне интересны позиции тех исследователей, которые являются признанными авторитетами конструкционистской парадигмы именно в социальной психологии. Так, согласно К.Гергену, термины, посредством которых люди интерпретируют окружающую их действительность и себя в ней, не задаются особенностями самого объекта объяснения, а представляют собой социальные артефакты, т.е. продукты исторического и культурного взаимообмена между членами социальных сообществ. Таким образом социально-психологический анализ любой реальности должен содержать в себе контекстуальную воплощенность, реляционность и диалог. С этой точки зрения, традиционное «Я» должно быть рассмотрено как одновременно процесс и результат самоповествования (Я-нарратива) в рамках социальных взаимоотношений [Якимова, 1999].

В частности К.Гергеном Я-нарратив определяется как индивидуальное объяснение отношений в контексте субъективно значимых для человека событий, имеющее временной модус. С нашей точки зрения, очевидно, что такое «Я» не может быть устойчиво по определению, приобретая форму постоянно воспроизводящихся в коммуникациях и видоизменяющихся «историй» о себе и своих взаимоотношениях с Другими. Соответственно, оно принципиально открыто изменениям – вслед за изменениями интеракций. Более того, лишь благодаря этой возможности самоизменения через динамику самоописаний человек и может «совладать» с постоянно изменяющейся действительностью: индивиду, погруженному в самую пучину разных социальных отношений, требуется не глубинное, вечное, подлинное «Я», а разнообразный «Я-материал» для коммуникации и самопрезентации. И в этом смысле идентичность становится характеристикой не сферы самосознания, а сферы взаимоотношений, которые, пусть даже задавая ее фрагментированность, обуславливают в конечном итоге умение человека избежать ролевой ограниченности, создавая реальную основу для постоянно актуализирующейся задачи социальной адаптации [Белинская, 2013]. С этой точки зрения, исследовательское внимание должно переключиться с «поиска Я» на анализ способов конструирования идентичности(тей) в языке, в диалоге, в тексте [Андреева, 2012; Турушева, 2014]. Заметим здесь же, что подобная точка зрения снимает саму проблему множественности Я. С одной стороны, наше Я оказывается унитарно – в том смысле, что мы всегда «проецируем» в пространство коммуникации определенные и конечные наши Я, и одновременно не унитарно – в том смысле, что в повседневности мы крайне редко переживаем смысловое единство этих проекций.

Потенциальность идентичности («возможные Я»)

Другая, параллельная с нарративным подходом, попытка решения проблемы изменчивости / устойчивости Я была связана с тем, что акцент в анализе идентификационных структур в ситуации неопределенности делался не столько на их «множественности», сколько на «возможности», вероятности появления и проявления. Эмпирические попытки ответов на эти вопросы во многом оказались связаны с введением в активный научный обиход понятия «возможного Я», впервые представленного в концепции Х.Маркус и П.Нуриус [Markus, Nurius, 1989].

В этой модели противоречие между феноменологией непрерывной уникальности self и заданной социально изменчивостью и относительностью «Я» было предложено снять введением понятия «рабочей Я-концепции». Последняя определялась как представление человека о себе в данное время и в заданном социальном контексте взаимодействия, т.е. как часть общего репертуара Я, существующего на микро- и макросоциальном уровне. Но при этом одни рабочие Я-концепции

актуализируются чаще, другие – реже, и тем самым вопрос о стабильности / изменчивости начинает звучать как вопрос *вероятности* появления того или иного частного представления о себе в ситуации конкретного социального взаимодействия и/или коммуникации. Именно идея «вероятности», определенной относительности самопроявлений обусловила несколько более позднее появление категории «возможного Я», которое, согласно Х.Маркус и П.Нуриус, является временной экстраполяцией текущей рабочей Я-концепции. Очевидно, что «возможных Я» столь же неограниченное количество, сколь и рабочих Я-концепций; очевидно также, что они могут быть как негативными, так и позитивными. В общем виде для данных авторов «возможные Я» – это наши воображаемые представления о том, чем мы можем стать в будущем (как «хорошие», так и «плохие»), которые обладают мотивирующей функцией. «Возможные Я» являются одновременно и изменчивыми, и устойчивыми, хотя основания самокатегоризации способны оставаться неизменными в течение ряда лет, их конкретное содержание может постоянно пересматриваться.

Собственно, именно соединение акцентов на мотивирующей функции «возможных Я» и на временных модусах идентичности породило дальнейшую богатую эмпирическую традицию в рамках данной модели.

Последователями Х.Маркус и П.Нуриус отмечается неоднородность различных «возможных Я» с точки зрения выполнения ими мотивирующей и регулирующей роли. Так, например, в «теории мотивации, основанной на идентичности» Д.Ойзермана «возможные Я» разделяются на те, которые оказывают влияние на поведение человека («само-регулирующие»), и те, которые служат лишь некоторым эмоциональным фоном («само-улучшающие») [Oyserman, Fryberg, 2006]. Задача первых – направлять Я к потенциальным целям и корректировать текущие поведенческие стратегии по ее достижению; задача вторых – поддерживать позитивную самооценку, но не влиять на поведение. Итоговое мотивирующее влияние «возможных Я» понимается как результат соединения двух факторов. В качестве первого выступает так называемый позитивный контекст: «само-регулирующее возможное Я» релевантно текущей ситуации, в которой разворачивается поведение субъекта; в качестве второго – позитивный образ: текущая ситуация оценена позитивно в силу активности «само-улучшающего возможного Я». Однако очевидно, что может случиться и обратное. А именно – «само-регулирующее возможное Я» оказывается не релевантным ситуации (негативный контекст), а «само-улучшающее возможное Я» не выполняет своей функции (негативный образ), впрочем, как и еще два, логически возможных сочетания этих факторов. Интересно, что эмпирически подтверждается максимальная мотивирующая сила сочетаний «позитивный контекст+позитивный образ» и «негативный контекст+негативный образ» [Oyserman, Destin, Novin, 2014].

Несколько иначе мотивирующая роль «возможных Я» объясняется в работах Р.Хойла и М.Шерила. С их точки зрения, «возможные Я» способны регулировать поведение просто потому, что дают человеку образ себя, вовлеченного в соответствующее этому представлению будущее поведение, что само по себе расширяет возможности поведенческого репертуара [Hoyle, Sherrill, 2006], что, заметим, открывает новые возможности для понимания Я-структур как одного из ведущих личностных ресурсов совладающего поведения.

Максимально развернуто идея временных модусов «возможных идентичностей» представлена в концепции М.Синнирелла [Cinnirella, 1998]. Согласно данному автору, процесс построения человеком репертуара своих «возможных Я» неотделим от оценки степени той вероятности, с которой эти возможности будут реализовываться. При этом, как правило, человек исходит из оценки возможностей своей коммуникации, существующих у него образов своего ближайшего окружения, которое может «работать» как pro, так и contra различных «возможных Я». Таким образом, всегда существует своего рода «социальная подкладка» наших «возможных Я», и содержание последнего неминуемо включено в социальный контекст: то, «каким я возможно буду», оказывается неотделимо от образов возможного будущего «своих» групп. Но, в отличие от Х.Маркус и П.Нуриус, М.Синнирелла в трактовке «возможных Я» обращает внимание не только на будущее, но и на прошлое: ведь наши возможные самоосуществления во многом также определяются уже не случившимися, безвозвратно ушедшими в прошлое выборами (тем, «каким я мог бы стать, но не стал»), и соответствующими им прошлыми потенциальными группами принадлежности. И именно в согласованности всей совокупности прошлых и будущих «возможных Я» видится мотивирующий потенциал Я-структур [Jaspal, Cinnirella, 2010].

Итак, развитие проблематики изменчивости / устойчивости идентичности в эпоху постоянных социальных трансформаций добавило к ее осмыслению понятия времени и постоянно меняющегося социального пространства: «время» и «среда» существования идентичности (как коммуникационная, так и пространственная, притом в своих современных технологических вариантах) стали новыми необходимыми основаниями ее конфигураций [Андреева, 2011]. Но представляется, что для сегодняшних отечественных реалий это уже перестает иметь значение. Когда отмечавшаяся в последние два десятилетия социальная неопределенность сегодня все больше и больше превращается в определенность и одновекторность политических решений, когда практически любые усилия в социальной сфере разных социальных субъектов могут быть перечеркнуты в один день политической волей одного лица, когда в силу социальной депрессии параметр будущего времени в идентичности фактически исчезает, возможная динамика Я-структур неизбежно заменяется их символами, имеющими слабое отношение к реальной жизни. Если нет реальных солидаризаций, лежащих в основу какого-либо «мы» (профессионального, этнического, гражданского), то на сцену выходит конструируемое во властном дискурсе воображаемое общее «мы» («русский мир»), противостоящее не менее абстрактному и воображаемому «они» («гейропе»). В таком искаженном пространстве идентичности нет не только необходимых альтернатив, не только возможностей самоконструирования в толерантном к неминуемым различиям диалоге, в нем нет и самого будущего – и как «времени идентичности», и как механизма, переводящего энергию «возможных Я» в реальные действия.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

Литература

Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. Психологические исследования, 2011, 6(20), 1. <http://psystudy.ru>

Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия. Психологические исследования, 2012, 5(26), 1. <http://psystudy.ru>

Асмолов А.Г. Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии. Мир психологии, 2014, No. 3, 17–33.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Белинская Е.П. Динамика представлений человека о себе: история изучения и современное состояние проблемы. Психология и психотехника, 2013, No. 4, 1–51. http://e-notabene.ru/psp/article_767.html

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? Вопросы психологии, 2007, No. 6, 3–20.

Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека. Философские науки, 2009, No. 10, 5–10.

Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! Психологические исследования, 2014, 7(36), 1. <http://psystudy.ru>

Соколова Е.Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? Эпистемология и философия науки, 2014, No. 3, 191–209.

Турушева Ю.Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности. Психологические исследования, 2014, 7(33), 6. <http://psystudy.ru>

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и

ограничения междисциплинарного подхода. Психологические исследования, 2012, 5(26), 2.
<http://psystudy.ru>

Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН, 1999.

Baumeister R.F. The need to belong: interpersonal attachments as a fundamental human motivation. Psychological Bulletin, 1995, 117(3), 75–90.

Berzonsky M. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes. Personality and Individual Differences, 2008, Vol. 44, 645–655.

Breakwell G.M. Resisting representations and identity processes. Papers on Social Representations, 2010, Vol. 19, 6.1–6.11.

Castells M. The Information Age; Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 1998.

Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. European Journal of Social Psychology, 1998, 28(2), 227–248.

Hoyle R.H., Sherrill M.R. Future orientation in the self-system: possible selves, self-regulation, and behavior. Journal of Personality, 2006, 6(74), 1673–1696.

Jaspal R., Cinnirella M. Coping with potentially incompatible identities: Accounts of religious, ethnic, and sexual identities from British Pakistani men who identify as Muslim and gay. British Journal of Social Psychology, 2010, 49(4), 849–870.

Markus H.R., Nurius P. Possible Selves. American Psychologist, 1989, 41(9), 954–969.

Oyserman D., Fryberg S. The possible selves of diverse adolescents: Content and function across gender, race and national origin. In: C. Dunkel, J. Kerpelman (Eds.), Possible Selves: Theory, research and applications. Nova Science Publishers, 2006.

Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. Self and Identity, 2014, 14(2), 173–188.

Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. In: S.Worchel, W.G.Austin (Eds.), Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson Hall, 1986. pp. 7–24.

Turner J. Self and collective: cognition and social context. Personality and Social Psychology Bulletin, 1994, 20(5), 454–463.

Vignoles V.L., Manzi C., Regalia C., Jemmolo S., Scabini E. Identity motives underlying desired and feared possible future selves. Journal of Personality, 2008, 76(5), 1165–1200.

Поступила в редакцию 20 ноября 2014 г. Дата публикации: 21 апреля 2015 г.

[Сведения об авторе](#)

Белинская Елена Павловна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.
E-mail: Elena_belinskaya@list.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? Психологические исследования, 2015, 8(40), 12. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html>

[К началу страницы >>](#)